

И. Л. Савкина

«ПОЧУВСТВУЙТЕ РАЗНИЦУ!». ДЕТСКАЯ КНИГА ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕТСКАЯ КНИГА ДЛЯ ДЕВОЧЕК В ПРОЕКТЕ Б. АКУНИНА «ЖАНРЫ»

В статье сравниваются с гендерной перспективы два текста, вышедшие в рамках проекта Б. Акунина «Жанры» — «Детская книга для мальчиков» и «Детская книга для девочек». Автор приходит к выводу, что в книгах воспроизводятся традиционные представления о мужественности и особенно о женственности. Девочке-адресату предлагается для самоидентификации некая универсальная, эссенциалистская модель женственности, воспроизводящая патриархатные гендерные стереотипы.

Ключевые слова: современная русская литература, детская литература, гендер, гендерные стереотипы.

Цель данной статьи — сравнить два текста, вышедшие в рамках проекта Б. Акунина «Жанры» с гендерной перспективы. Гендерный подход, как известно, «предполагает, что различия в поведении и восприятии мужчин и женщин определяются не столько их физическими особенностями, сколько воспитанием и распространены в каждой культуре представлениями о сущности мужского и женского» [Костикова 2005, с. 21]. Эти представления во многом формируются в период социализации, и среди агентов влияния важную роль играют разного рода медиа, в том числе и литература.

Проект Б. Акунина «Жанры» начал осуществляться в 2005 г., когда в течение февраля на книжный рынок одна за другой поступили «Детская книга», «Шпионский роман» и «Фантастика». Комментируя свой проект в одном из интервью, автор объяснял, что в серии «будут представлены “чистые” образцы разных жанров беллетристики, причем каждая из книг носит название соответствующего жанра. <...> В дальнейших планах — “Семейная сага”, “Производственный роман”, “Страшная книжка”, “Женский роман” и т. д.» [Акунин 2004].

До настоящего времени, кроме трех названных выше книг, вышли в свет роман-компьютерная игра «Квест» (2008) и «Детская книга для девочек» (2012), написанная, как указано в выходных данных, Глорией Му «по сценарию Бориса Акунина». Глория Му — довольно известный блогер и автор популярной детской книги «Вернуться по следам» (2010).

В записи своего блога 17 декабря 2012 г. Акунин подробно рассказывает историю поиска соавтора после того, как издатели намекнули ему, что первая книга была рассчитана главным образом на мальчиков и что хорошо бы во имя справедливости написать еще одну детскую книгу, для девочек.

<...> [в ходе поиска стало ясно, что для написания такой книги. — И. С.] нужна девочка. Или хотя бы тетенька. И желательно молодая. У женщин принципиально другое зрение. Фасеточное, как у стрекоз (Ой, зачем я это написал? Надеюсь, феминистки не прочтут). Наш мужской сфокусированный взгляд тут не годится. И стал я искать даму. [далее рассказывается, как он нашел очень понравившийся ему роман Глории Му, и прикреплено фото молодой особы, жонглирующей огнями. — И. С.] Огнями на снимке она жонглирует, потому что раньше работала пиротехником. Еще она занималась джигитовкой, дрессировала собак, профессионально танцевала фламенко и танец живота. Хотя по образованию Глория — театральная художник. <...> Работать вместе нам обоим было очень непросто. На свете трудно найти двух до такой степени разных литераторов. Иногда наше общение напоминало контакт двух разнопланетных цивилизаций. Мне кажется, мой сценарий мешал Глории, связывал ей руки. Без него она наверняка чувствовала бы себя свободней. Ну, что получилось, то получилось. Я не уверен, что получилось хорошо. И Глория не уверена. Но мы оба старались. За сюжет бейте меня. За текст — тоже меня, потому что я все это затеял. А если книга вам понравится, вся gloria — Глории [Акунин 2012].

В настоящее время две книги существуют параллельно, сходно оформленные, они составляют связную пару, так как сюжетно друг на друга ссылаются. Указание на пол адресата в названии книг предполагает, что именно гендерный аспект создает принципиальные различия, маркирующие инварианты выбранного жанрового формата — «детской книги».

Но прежде чем приступить к сопоставительному анализу произведений в гендерной перспективе, необходимо задаться вопросом, что именно является объектом нашего анализа. Что такое *Детская книга* в проекте Акунина?

Целью проекта, как уже отмечалось, является создание своего рода «энтомологической коллекции»¹ жанров. Такой подход предполагает, что жанр — это некая раз и навсегда заданная, с досюльных времен и во веки веков существующая конструкция. В случае «детской книги», вероятно, предполагается, что существует также

некий среднестатистический ребенок (непонятно какого возраста). Извечные мальчик с девочкой кочуют «через миры и века», и во всех эпохах и странах представление о том, что значит быть мальчиком и что значит быть девочкой, одинаково и неизменно.

Подобные концепции детства и ребенка, гендера и жанра уже многократно проблематизированы и оспорены исследователями соответствующих областей². Ими убедительно доказано, что ребенок, гендер, жанр и жанровые разновидности — все это изменчивые и исторически обусловленные социально-культурные конструкции, а не неизменные «сущности».

Вызывает сомнение и существование такого обобщенного жанра, как «детская книга». Кроме того, что в этой области возраст ребенка-адресата играет существенную, жанрообразующую роль, необходимо также принять во внимание, что «детским чтением становятся и сказки, и приключения, и фантастика, и детектив, и книги о животных, причем в детскую классику уходят вещи, отнюдь не для детей писавшиеся» [Латынина 2005].

Если исходить из вышеизложенного, то ясно, что проект Акунина правильнее рассматривать не как каталог «чистых жанровых образцов», а как каталог представлений современного писателя (и, вероятно, в меньшей степени его соавтора) с определенным человеческим и читательским опытом³ и сконструированного им/ими в соответствующих книгах имплицитного читателя о жанре, а в случае с детскими книгами — также о детстве и о гендере.

Собственно, это последнее и будет объектом нашего исследовательского интереса, то есть мы попытаемся через сопоставительный анализ книг выяснить, какие представления о мужественности и женственности в них конструируются и как они соотносятся с существующими в патриархатном⁴ обществе гендерными стереотипами: деконструируются, проблематизируются или поддерживаются в рассматриваемых книгах эти стереотипы?

Уже история появления на свет двух *Детских книг* воспроизводит «классическую» патриархатную схему: сначала появилась *Детская книга* вообще, которая была переименована в книгу для мальчиков (ибо мальчик, мужчина в патриархатной традиции и есть человек вообще), а потом из ее «ребра» появился инвариант — для девочек.

Оба текста, как и все книги серии «Жанры» и вообще практически все художественные произведения Б. Акунина, представляя собой очередные тома из бесконечной саги о Фандориных [Идлис 2005]. Главные действующие лица — близнецы Ангелина (Геля)

и Эраст (Ластик) Фандорины, родителям которых — сэру Николасу Фандорину и его жене Алтын Фархатовне — посвящены романы цикла «Приключения магистра Николаса Фандорина».

В этих романах про современную Москву Акунин осуществляет постмодернистский проект, важными моментами в котором являются глобализация, номадизм, открытость и толерантность, что проявляется, в частности, в проблематизации и инверсии гендерных стереотипов. В детективном агентстве Фандорина секретаршей работает транссексуал Валя, сам сэр Николас деликатен, утончен, неуспешен и чувствителен, в то время как его жена решительна, успешна, карьерна, «живет в режиме адской молнии» [Глория Му 2012, с. 28⁵] и неразборчива в словах и средствах.

Параллельные романы об «отдельных» приключениях детей мотивированы тем, что неразлучных доселе двойняшек разводят по разным школам, ибо неумной Алтын Фархатовне приходит в голову идея о необходимости заняться воспитанием из Ластика настоящего мужчины. «Это мама захотела, чтобы Ластик обучался точным наукам, потому что будущее за ними, а математика — настоящая мужская профессия. Папа пробовал спорить, говорил, что он вот гуманитарий и ничего, но с мамой долго не поспоришь. Она сказала: “Вот именно. Хочешь, чтоб из твоего сына тоже получилось ничего?”» [ДД, с. 7].

Разница между девочками и мальчиками обозначена в начале каждой из книг устами героев-протагонистов. Ластик думает:

Хорошо было сестре Гельке. От нее никто не ждал, что она вырастет и станет героем. И геометрия с алгеброй не портили ей кровь шесть раз в неделю. Она жила, как сыр в масле каталась. Мужских качеств мама в ней не воспитывала, волю закалять не требовала. А папа, тот вообще ее только по головке гладил и называл своей красавицей [Акунин 2005⁶, с. 9].

В свою очередь на страницах девичьей версии читаем:

Геля и раньше иногда ворчала, что лучше бы ей родиться мальчишкой, потому что кому интересны девочки? С Эраськой вон вечно все носились. Мама воспитывала папу, чтобы тот воспитывал Эраську, требовал закалять волю, и так целыми днями: Эрастик — то, Эрастик — это, Эрастик тройку получил — ах, ужас, Эрастик пятерку получил — ах, молодец! А с Гелей что? Ну, папа мимоходом погладит по голове и назовет своей красавицей, а мама... [ДД, 27–28].

Завязка сюжета в обеих книгах одинакова: в Москве появляется некто, рассказывающий каждому из близнецов в соответствующей книге историю о далеком предке Тео де Дорне, который в XI веке выкопал из земли Волшебное яблоко — инструмент мировой гармонии, поддерживающий равновесие добра и зла на Земле. Манипуляции

с этим яблоком нарушают баланс и ведут к катастрофам. Ластик и Геля как принадлежащие к роду Дорнов (Фандориных), должны отправиться в прошлое, чтоб найти и вернуть яблоко — то есть спасти мир. Их приключения во времени, поиск «сокровища» и возвращение в свое время — фабула обеих повестей. Внутри той и другой истории просматривается сюжетная схема пути героя и инициального посвяtitельного ритуала, обряда перехода, естественная для книги о подростке. Инициальный обряд состоит из трех частей: сепарации, выделения индивидуума за пределы своего мира, пребывания в лиминальном периоде и возвращения в новом статусе [Левинтон], что можно в терминах Джозефа Кембелла рассматривать как три части (расставание, испытание, возвращение) пути героя [Campbell 1987].

Является ли эта схема общей для *Детской книги для мальчиков* и *Детской книги для девочек*? Какие здесь можно увидеть гендерные различия и связаны ли они с различием форм инициации? И проходит ли девочка *путь героя*? Проблематизируются в книгах гендерные стереотипы или, напротив, воспроизводятся и укрепляются?

Для ответа на эти вопросы сравним некоторые сюжетные ситуации и мотивы в книгах.

На первом этапе, который можно обозначить как сепаративную фазу/фазу расставания, как мы уже отмечали, появляется некто, кого мы можем назвать пропповским термином «даритель» [Пропп 1986, с. 52–53]. В книге для мальчиков к Ластику приходит профессор Ван Дорн, который настаивает на своем сугубо реальном и ученом статусе, ибо, по его утверждению, «волшебников не бывает <...> и волшебства тоже <...>. Есть лишь явления мало изученные или вовсе не замеченные наукой» [ДМ, с. 41]. Профессор подробно рассказывает историю Тео Крестоносца, подчеркивая: «я вам не сказки рассказываю, а излагаю научно подтвержденный, хоть и мало кому известный факт» [ДМ, с. 64].

В книге для девочек к Геле является красавица Люсинда Грей, которая тоже представляется профессором, но говорит загадками и оперирует в основном не фактами, а образами. Ее объяснения Геля интерпретирует как сказку и волшебство, называя пришелицу «Феей снов». Последующий контакт между Гелей и Люсиндой Грей происходит через метафорические сны, которые видит Геля и которые она должна разгадать. То есть с самого начала развития сюжета гендерные различия обозначены как противопоставление рационального (мужского) иррациональному (женскому). «Просто

женщины лучше чувствуют внерациональное и невидимое. То есть понимают истинную суть вещей», — говорит Люсинда [ДД, с. 51].

Следующий сюжетный мотив может быть назван «испытанием героя на пригодность к исполнению миссии».

Испытание Эраста состоит в том, что он должен пройти «тесты» на смелость, великодушие и удачливость, совершая правильные поступки в заданных ситуациях.

Испытание героини заключается в том, что она должна с помощью интуиции и воображения правильно интерпретировать метафоры снов. То есть мальчику надо быть активным, быть деятелем, а девочке отводится более пассивная роль зрителя и интерпретатора.

Гендерные различия можно увидеть и в том, как мотивируется в двух книгах задача героя — спасти мир.

Профессор Ван Дорн рассказывает Эрасту о том, что любые манипуляции с Волшебным яблоком увеличивают долю зла и ведут к катастрофе. Цель Ластика — спасти мир от зла и катастрофы. «В ваших руках честь рода Дорна и будущее человечества» [ДМ, с. 99], — говорит Ластик Ван Дорн.

Люсинда Грей объясняет Геле, что каждая манипуляция с яблоком уменьшает количество любви в мире, превращая любовь в ненависть. Миссия Гели — защитить любовь. Люсинда подчеркивает, что «вопрос Добра и Зла — главный вопрос на свете. Для мужчин. Для женщин же — Любовь. <...> Любовь выше справедливости и всего на свете. Мы, женщины, знаем это по праву рождения» [ДД, с. 42–43].

Таким образом утверждается, что суперценность для мужчины — справедливость, а для женщины — любовь. Мужчины завоевывают понимание справедливости, добра и зла в борьбе и в пути — женщины знают о любви и ненависти «по праву рождения».

В ходе разговора с «дарителем» и в дальнейших действиях героев проявляется еще одно достаточно известное различие в свойствах мужчин и женщин: мужчины любознательны, а женщины любопытны (как праматерь Ева, которая фигурирует в рассказе о райском яблоке). Это проявляется, например, в том факте, что Ластик получает от Дарителя волшебный предмет «Унибуку», к которому постоянно обращается по мере возникновения проблем и вопросов, в то время как Геля выступает перед Люсиндой своего рода всезнайкой: она как бы заранее знает (думает, что знает) ответы на все серьезные вопросы, зато Люсинде часто приходится упрекать ее в праздном или преждевременном любопытстве.

Получив «задание» от дарителя, герой и героиня должны переместиться в другое время. Способ перемещения у них абсолютно разный. Эрсту надо (прямо по З. Фрейду!) найти хронодыру — пространственно-временной лаз, туннель, и через него проникнуть в другое время, в 1914 г., связаться там со своим прадедом и передать ему ответственное поручение по поиску и спасению Волшебного яблока.

Ангелине надо подвергнуться «ретрораппортации»: крепко за-снуть и слиться во сне со своей праmaterью, так как, согласно исследованиям Люсинды Грей, «есть способ перемещения во времени, доступный только девочкам, — попадать в прошлое по восходящей материнской линии» [ДД, с. 52], ибо между всеми женщинами рода существует незримая телесная связь, сохраняющаяся века.

То есть можно сделать вывод, что мужчины *устанавливают духовные* связи с предками, в то время как женщины *обладают телесными* связями с прародительницами и интуитивной родовой памятью.

Какие события происходят с героями в другом времени, обнаруживаются ли в их поведении и в стратегиях выполнения ими своей спасительной миссии гендерные различия? То есть, если продолжать пользоваться терминами инициального посвячительного ритуала, чем различаются между собой описания пребывания героев разного гендера в лиминальном периоде?

Эрсту запланирована роль посредника, он своего рода посыльный, который, как уже говорилось, должен передать миссию спасения мира настоящему герою, настоящему Эрсту Фандорину. Но в результате стечения обстоятельств Ластик оказывается в ситуации, когда он должен действовать сам, самостоятельно; ему приходится занять оказавшееся вакантным место спасителя, и в ходе выполнения миссии стать взрослым, из Ластика превратиться в Эрста Фандорина (его зовут так же, как знаменитого прадедушку-сыщика). Он должен пройти путь героя и вернуться другим. Эрст оказывается в Смутном времени, принимает участие в исторических событиях, преодолевает смертельные опасности, приобретает и теряет друзей и помощников. Спасая свою жизнь, он оказывается в постапокалиптическом будущем, откуда сам находит дорогу домой, в настоящее.

Геле, на первый взгляд, отведена более активная роль: она должна найти и покрыть особым составом Райское яблоко. Но сюжет развивается очень медленно, и почти полкниги Геля просто живет в прошлом, в семье своих прародителей в теле своей прабабушки

Поли Рындиной, наблюдает подробности жизни в доме, в гимназии и на улицах старой Москвы. Ее миссия — ждать во сне послания и настраиваться «на чужую волну». «Сонная» связь с Люсиндой устанавливается на 218-й странице романа (из 410-ти), и только тогда Геля начинает действовать. Она находит старшего друга (химика Розенкранца) и первую любовь — маленького разбойника с Хитрова рынка Щура. Именно из-за опасности, грозящей Щуру, она начинает проявлять активность, совершать героические поступки, в результате которых спасает не мир, а младенца — девочку.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для мужчин важны идеи и поступки, которые и превращают мальчиков в мужей, а для женщин гораздо бóльшую ценность имеют чувства и люди.

Очевидны гендерные различия и в изображении главных хронотопов в той и другой книге.

Приключения Эраста происходят в историческом времени: он становится участником известных и ответственных исторических событий, войн, революций, реформ, вступает в контакт с историческими персонажами (Борис Годунов, Василий Шуйский, Марина Мнишек и т. п.).

Приключения Гели в начале XX века происходят в пространстве своей комнаты, родного дома, женской гимназии, ближайших московских улиц. Исторические катаклизмы только сняты ей в кошмарных снах.

То есть читателей убеждают, что мужчина живет на перекрестках истории, а женщина — в одомашненном привычном пространстве.

Характерен и список «прототекстов», жанровых образцов, на которые прямо ссылаются *Книга для мальчиков* и *Книга для девочек*⁷.

В первой это «Приключения Буратино» А. Толстого, «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Остров сокровищ» Р. Стивенсона, «Трудно быть богом» Б. и А. Стругацких, «Янки при дворе короля Артура» М. Твена. В первых трех из названных прототекстов рассказывается о пути героя, о том, как мальчик взрослеет в борьбе, испытаниях, преодолениях и приключениях. Два последних текста связаны с сюжетом путешествия во времени и с темой ответственности и выбора.

Главным текстом, на который ссылается *Книга для девочек*, является популярная в свое время автобиографическая трилогия Александры Бруштейн «Дорога уходит вдаль». Члены сообщества любителей книги А. Бруштейн в Интернете⁸ обсуждали даже вопрос, не плагиатор ли Глория Му, найдя в ее книге ряд переключек

с трилогией Бруштейн и заметив, что соседкой по парте и гимназической подругой Гели/Полины оказывается: «хорошенькая кудрявая девочка — Сашенька Выгодская» [ДД, с. 182], а Выгодская — девичья фамилия А. Бруштейн. Именно Сашенька в «Детской книге для девочек» инициирует обсуждение еще одной книги о женской судьбе — романа Л. Толстого «Анна Каренина»:

— вот <...> у Толстого, особенно в «Анне Карениной», описана жизнь со всеми ее хорошими и плохими сторонами! Я больше обращаю внимания на темные стороны, но, разобравшись, много найдешь и хорошего, светлого...

— Анна Каренина — дурная женщина, а ваш Толстой пишет вредные книжки, мне мама говорила, — вмешалась крупная и чувствительная Лида Воронова, немного похожая на нервную корову, — я вот прочла у доктора Мёбиуса, что женщине пристало быть здоровой и глупой. Она должна заботиться о детях, а в остальном подчиняться мужчине. Женщина должна быть доброй матерью и верною женой, а не то что эта ваша Каренина...

— Какая же вы все-таки косяная и неразвитая, — с досадой бросила Сашенька и обернулась к Геле: — Ведь правда? А ваша какая любимая книга?

— «Гарри Поттер», — неосторожно ответила Геля <...> Эта книга об одном мальчике, сироте <...> «Сиротка? Обожаю про сироток! Точно как у Чарской — вскричала Лида. — «Чарская — страшная пошлость. Поля ни за что не стала бы читать такое», — убежденно сказала Сашенька [ДД, с. 184].

Если помнить, что Выгодская, как уже говорилось, девичья фамилия Александры Бруштейн, а Воронова — девичья фамилия Лидии Чарской, то этот спор обнажает разные взгляды на книгу для девочек⁹. Роман воспитания А. Бруштейн развивает тему пути героя или героини, в нем история девочки происходит в историческом времени и связана с гражданским становлением даже в большей степени, чем с личным. Чарская в определенном смысле писала «по рецептам доктора Мёбиуса» о том, как девочка «выращивает в себе» женскую сущность. Еще одну интересную ссылку можно услышать в имени *Люсинда Грей*, отсылающем к романтической любовной сказке А. Грина «Алые паруса» о девушке, дождавшейся своего принца¹⁰. И надо сказать, что, несмотря на иронические отзывы о Чарской и ее книгах, тема любви и личного, женского, а не гражданского становления гораздо более акцентрирована в современной истории о том, какой «пристало быть женщине».

Разговоры будущих авторов популярных книг для девочек о том, как надо писать для девочек, приводят нас еще к одному важному различию между анализируемыми книгами. В тексте Глории Му очевиден метатекстовый уровень — постоянное и прямое обсуждение проблемы, что значит быть девочкой/женщиной, в чем суть женственности, как определить себя в качестве женщины —

по отношению к мужчине и в сравнении с определением мужественности. Об этом размышляют разные герои в разных ситуациях.

Люсинда Грей утверждает: «Тео де Дорн — воплощение худших качеств мужчины. Они вечно выдумают себе какую-нибудь дребедень, обзовут «идеей», свято в нее уверуют и потом ради этой «идеи» готовы разрушить и залить кровью полмира!.<...> Тео совершил преступление — продал Любовь за деньги, чтобы из кучи камней сложить замок с железной крышей. Увы, мужчины часто делают эту ошибку: им кажется, что камень и металл долговечней хрупких и невесомых чувств» [ДД, с.48]. Доктор Гильденштерн, к которому привели на консультацию Полю/Гелю, говорит: «...это подтверждает мои давние наблюдения — девочки по сравнению с мальчиками выказывают бóльшую приверженность чувству долга и ответственности [ДД, с. 129]. Химик Розенкранц утверждает: «Вы совершенно правы, любезнейшая Аполлиария Васильевна. Мы, мужчины, иногда слишком хвастливы и легкомысленны для того, чтобы позаботиться о себе, и эта нелегкая задача ложится на плечи дам <...> в пылу дискуссий о предназначении полов мы иногда забываем, что мужчины и женщины — не враждующие силы, а представители одного вида — Homo sapiens...» [ДД, с. 244].

В книге для мальчиков подобных обсуждений проблем мужественности/женственности практически нет.

Проведенный сопоставительный анализ, на наш взгляд, ясно показывает, что в *Детских книгах* и особенно во второй мы имеем дело с воспроизведением гендерных стереотипов, которые приписывают мужчине быть независимым, активным, компетентным, рациональным, а женщине — зависимой, эмоциональной, нежной, воспитанной [Жеребкина 1996, с. 155].

Вероятно, в проекте Акунина/Глории Му имплицитный читатель в целом моделируется по тому же принципу, что и в базовых учебниках для начальной школы, подробно проанализированных с этой точки зрения Галиной Макаревич. Образ мальчика в них разнообразнее, индивидуальнее, сфера его деятельности шире, ему дается право нарушать правила и делать выбор, тогда как девочка типизирована, обобщена, «идеализирована»: ее цель — взрослеть и раскрывать в себе материнский потенциал [Макаревич 2010б]. Анализируя визуальные образы детства в учебной книге начала XXI века, Г. Макаревич отмечает, что «репертуар репрезентируемых девчачьих стратегий выглядит достаточно бедно. Предметом интереса не являются ни отношения в кругу родных <...>, ни общение

с сестрами или подругами. Главный и единственный источник девчачьих интеллектуальных желаний — мир предпочтений и тайн мальчика или мужчины» [Макаревич 2010а, с. 183].

Подобную редукцию можно видеть и в книге Глории Му/Б. Акунина. В рассказе о приключениях Гели практически отсутствует история ее отношений с подругами и женскими соперницами, то есть со *значимыми другими* своего гендера. Эти темы лишь названы, но не развиваются, что мотивируется сюжетной необходимостью (может быть, сценарием Б. Акунина), но в результате выводит за скобки важную, если не важнейшую часть проблематики женского взросления и особенностей женского посвятельного «обряд», в котором сложный комплекс взаимоотношений девочки со старшими женщинами и девочками-ровесницами играет важную, если не решающую роль [см. в ч. Абашева 2013, Борисов 2000, Ефимкина 2006].

Отсутствие многообразия женских образов (разные девочки — разные выборы женственности) и неиспользование потенциала столкновения новых и традиционных представлений о женственности, которое предоставляет сюжетная парадигма путешествия в прошлое, приводит к тому, что девочке-адресату книги предлагается для самоидентификации некая обобщенная, эссенциалистская модель женственности, скроенная из подручных гендерных стереотипов. Недаром, вернувшись в настоящее, повзрослевшая Ангелина хочет, чтоб и в ее семье все было бы как-то потрадиционнее: чтобы папа был мужественнее, а мама — женственнее, чтобы они были более похожими на прапрадедушку и прапрабабушку. Она говорит отцу:

А я вот знаю двух интеллигентных людей... И еще одного — не очень интеллигентного, но очень, очень хорошего, <...> И, знаешь, они все здорово дерутся. Может быть, ты тоже смог бы научиться? Вот хоть с мамой на кикбоксинг походи, а, пап?» Мамин кикбоксинг припела из лучших побуждений, но папа, похоже, обиделся. Так и молчали всю дорогу домой. Геля же, вспомнив о маме, стала готовиться к встрече. Уж вот кому на шею точно не стоит бросаться. Если даже папа-ботан заподозрил неладное, то мама и подавно. Быстренько вытрясет из дочери правду, а после размажет по стенке [ДД, с. 377].

Мы упоминали, что во «взрослых» книгах Б. Акунина, в частности, в серии «Приключения магистра Николаса Фандорина» автор позволяет себе довольно смелые гендерные инверсии и эксперименты. Однако «Детские книги» проекта «Жанры» в этом смысле гораздо более консервативны. Сконструированный сценарием Б. Акунина «конструкт» ребенка тяготеет к «классическим» патриархатным образцам. Мальчику, чтобы стать большим, надо пройти путь героя. «Настоящим», взрослым мужчиной мальчик *становится* через путь

героя, а «природная», «богоданная» женственность в женщине *есть*, она спит и раскрывается от поцелуя. *Детская книга для мальчиков* рассказывает о том, как стать взрослым, собой, героем, *Детская книга для девочек* — по преимуществу о том, как через любовь к мужчине разбудить в себе женщину.

Примечания

¹ Такие ассоциации с наукой об изучении насекомых порождают и изображение бабочки на обложке первого издания *Детской книги* (2005 г.), а также слова из издательской аннотации «проект “Жанры” — это попытка создания своеобразного инсектариума жанровой литературы, каждый из пестрых видов и подвидов которой будет представлен одним “классическим” экземпляром».

² См., в ч., о детстве: [Арьес 1999; Келли 2008; Lesnik-Oberstein 2002]), гендере (см. в ч.; [Жеребкина 2001]) и жанре: (см. в ч. [Fowler 1987]).

³ Рецензенты не без основания считают, что Акунин в «Детской книге для мальчиков» воспроизводит модель детской книги времен своего советского пионерского детства, то есть 1960-х годов [Латынина 2005, Кучерская 2005].

⁴ В феминистской критике патриархатным называют общество, где мужчине принадлежит власть, экономические и социокультурные привилегии. Патриархат — это общество, где женское определяется через мужское, где женщина обозначена как второй пол (см. в ч. [Эллиот; Менделл, 2001]).

⁵ В дальнейшем ссылки с помощью сокращения ДД и указания номера страницы.

⁶ В дальнейшем ссылки с помощью сокращения ДМ и указания номера страницы.

⁷ Речь идет не обо всех интертекстуальных ссылках, а только о тех произведениях, которые прямо упомянуты или открыто обозначены в текстах

⁸ см. <http://lyudi-knigi.livejournal.com/profile>

⁹ Кроме будущих Чарской и Бруштейн, в одном классе в Гелей/Полиной учатся Наденька Лохвицкая (девичья фамилия Н. Тэффи) и Леночка Ган (Елена Ган — известная писательница начала XIX века).

¹⁰ Я благодарю Бена Хелманна за указание на связь между именем Люсинды и героя романа А. Грина.

Источники

Акунин Б. *Детская книга*. М: Олма-пресс, 2005.

Глория Му *Детская книга для девочек*. М.: Астрель, 2012.

Исследования

Абашева М. Семиотика женской инициации, от институтской повести к советской детской прозе // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сб статей / сост. и ред. М. Ю. Балина и В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. С. 77–87.

Акунин Б. Интервью [Электронный ресурс] // Известия. 2004. 24 дек. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%EE%F0%E8%F1_%C0%EA%F3%ED%E8%ED (дата обращения: 27.07.2014).

Акунин Б. Запись в ЖЖ (17 декабря 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://borisakunin.livejournal.com/85682.html> (дата обращения: 27.07.2014)

Арлес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Борисов С. Культурантропология девичества. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2000.

Жеребкина И. Теория и история феминизма. Харьков: Ф-Пресс, 1996.

Жеребкина И. (ред.). Введение в гендерные исследования. Харьков ХЦГИБ; СПб.: Алатай, 2001. Ч. 1–2.

Ефимкина Р. Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. М.: Речь, 2006.

Идлис Ю. Сага о Фандориных: продолжение следует? [Электронный ресурс] // Полит.Ру. 2005. 2 марта. URL: <http://polit.ru/article/2005/03/02/akuninzhanry/> (дата обращения: 27.07.2014).

Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX веков // Какорья: из истории детства в России и других странах / сост. Г. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 8–46.

Костикова И. В. (ред.) Введение в гендерные исследования. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Кучерская М. Унибук [Электронный ресурс] // Полит.Ру. 2005. 10 февр. URL: <http://polit.ru/article/2005/02/10/akunindetkniga/> (дата обращения: 27.07.2014).

Латынина А. Этномология рода Фандориных [Электронный ресурс] // Новый мир. 2005. №8. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2005/8/lat11.html (дата обращения: 27.07.2014)

Левинтон Г.А. Инициация и мифы [Электронный ресурс] // Мифы народов мира: электронная энциклопедия. URL: <http://www.mifinarodov.com/i/initsiatsiya-i-mifyi.html> (дата обращения: 27.07.2014).

Макаревич Г. Наследие советской культуры в учебнике по чтению 1990-х // «И спросила кроха...»: образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. / под ред. Н. Б. Баранниковой и В. Г. Безрогова. М.; Тверь: ИТИП РАО «Научная книга», 2010. С. 63–81.

Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 52–53.

Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алатай, 2001. Ч. 2. С. 91–126.

Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Fowler A. Kinds of Literature. An Introduction to the Theory of Genres and Modes. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Lesnik-Oberstein K. Children's Literature // Criticism and the Fictional Child. Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 1–36.